

Александрова-Осокина Ольга Николаевна

"СВЯЩЕННЫЙ ХРОНОТОП" В ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ (ЯФФА ГЛАЗАМИ РУССКИХ БОГОМОЛЬЦЕВ XIX В.)

Статья обращена к осмыслению проблем поэтики паломнического текста. Материалом исследования стали сочинения писателей XIX - начала XX в. (Д. В. Дашков, И. Вешняков, К. Бронников, архимандрит Леонид (Кавелин), И. А. Бунин). Сопоставление творчества разноплановых писателей позволило показать наличие духовной преемственности в русской литературе и устойчивой стилиевой и ценностно-смысловой традиции художественного воссоздания священного пространства. Анализ паломнического текста в свете хронопического строения позволил выявить эстетическую природу восприятия, при котором факты и предметы истории предстают "как неизгладимые из бытия события" (А. А. Ухтомский). В статье осмысливается понятие "священный хронопоп", который видится как соединение бытового и бытийного, историко-социального и Божественного.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 10-14. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-4; 82-43

Статья обращена к осмыслению проблем поэтики паломнического текста. Материалом исследования стали сочинения писателей XIX – начала XX в. (Д. В. Дашков, И. Вешняков, К. И. Бронников, архимандрит Леонид (Кавелин), И. А. Бунин). Сопоставление творчества разноплановых писателей позволило показать наличие духовной преемственности в русской литературе и устойчивой стилиевой и ценностно-смысловой традиции художественного воссоздания священного пространства. Анализ паломнического текста в свете хромотического строения позволил выявить эстетическую природу восприятия, при котором факты и предметы истории предстают «как неизгладимые из бытия события» (А. А. Ухтомский). В статье осмысливается понятие «священный хромотоп», который видится как соединение бытового и бытийного, историко-социального и Божественного.

Ключевые слова и фразы: духовная проза; паломническое путешествие; поэтика; «священный хромотоп»; «священное пространство»; пейзаж; вещный мир.

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, д. филол. н.
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
osokina-11@mail.ru

«СВЯЩЕННЫЙ ХРОМОТОП» В ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ (ЯФФА ГЛАЗАМИ РУССКИХ БОГОМОЛЬЦЕВ XIX В.)

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-64-01000 «Паломничество в Святую Землю и русская литература: опыт сохранения национальных историко-культурных и религиозно-духовных ценностей» (2015-2017).

Хромотоп в литературе отражает саму целостность человеческого бытия, не существующего вне пространственно-временных связей («мы живем в хромотопе» – Ухтомский [11, с. 70]). В ставшем сегодня уже хрестоматийным исследовании М. М. Бахтина [2, с. 391] характеристикой пространственно-временных отношений в литературе является их взаимосвязь («время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [Там же, с. 235]) и эмоционально-ценностная окраска [Там же, с. 391]. Бахтин писал о взаимообусловленности жанра и типа хромотопа и выделял хромотоп «авантюрного романа», «идиллический», «дороги» и т.д. К этому ряду следует добавить «священный хромотоп» паломнической литературы.

Паломничество является важнейшей формой религиозной жизни человека, связано с религиозным опытом, складывающимся на протяжении всей истории: человек «в процессе осознания себя духовным существом вначале стихийно, потом осмысленно формирует конкретную среду своего общения с высшим миром» [7, с. 11]. В русской литературе паломническая проза берет свое начало от древнерусских хождений и развивается на протяжении всего историко-литературного процесса. Изучение паломнической прозы обогащает картину развития религиозно-духовной составляющей русской классической литературы. В настоящей статье прослежены некоторые сходные черты в создании образа священного пространства в произведениях авторов XIX – начала XX века (Д. В. Дашков, И. Вешняков, К. И. Бронников, архимандрит Леонид (Кавелин), И. А. Бунин [3; 4; 6; 9]). Эти авторы принадлежали к разным культурным эпохам и строили свое творчество под влиянием различных социокультурных и эстетических традиций: Д. В. Дашков – писатель-романтик, И. Вешняков и К. И. Бронников связаны с провинциальной дворянской (Вешняков) и крестьянской (Бронников) культурой первых десятилетий XIX в.; архимандрит Леонид (Кавелин) – писатель-священник и, наконец, И. А. Бунин, наиболее отстоящий во времени от названных писателей – связан с культурой Серебряного века. Вместе с тем сопоставление их произведений, описывающих путешествие в Палестину, выявляет удивительную близость религиозно-эстетического мироощущения и позволяет сделать вывод о наличии культурного и духовно-религиозного ядра, формирующего облик национальной культуры. Одной из граней художественного мировосприятия писателей является воплощение пространственно-временного образа Святой Земли.

Священность земли – важнейшая категория в религиозном и эстетическом мировосприятии паломника: черты реального географического пространства обретают свою смысловую полноту и ценность только в свете событий Библейской истории, пространство оказывается «священным свитком» (П. А. Вяземский. «Палестина»), хранящим память о событиях далекого времени. В изучении паломнических путешествий внимание обращается, прежде всего, на «крупные» пространственно-временные величины – Иерусалим, Иордан, Вифлеем, однако в произведениях писателей-паломников все вехи «священного» маршрута представляют

исключительную важность. Таким, в частности, оказывался город Яффа: для паломников, прибывающих морем, он воспринимался как «ворота» в Землю Обетованную, как рубеж, отделяющий мир «бытовой» от мира священного. Повторяемость мотивов, сюжетных и поэтических элементов у разных авторов позволяет увидеть устойчивый комплекс ценностных, религиозно-эстетических и религиозно-этических представлений, связанных с образом Яффы.

Прежде всего, нужно выделить мотив «встречи». Это один из самых важных мотивов в литературе, его универсальность и частотность обусловлена исключительной значимостью «встречи» в жизни человека [2, с. 248, 249]. В паломнической прозе этот мотив связан с мотивами «долгого ожидания», «нетерпения», «радости», «узнавания», «молитвы», «слез». Весь этот комплекс значений имеет своим истоком религиозное чувство священного трепета верующего человека, прибывающего на Святую Землю, которая видится как абсолютная духовная ценность: «сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3:5).

У Д. В. Дашкова встреча со Святой Землей в виду берегов Яффы описывается в романтической стилистике: «с умилением и жадным любопытством смотрели мы на сию землю <...> колыбель Христианской веры» [4, с. 18]. Современник Дашкова Иван Вешняков в своем сочинении следует традиции древнерусского хождения и авантюрного путешествия XVIII – начала XIX в., однако чувства паломника при встрече со Святой Землей получают у него такое же яркое, эмоционально-экспрессивное выражение: «Наконец <...> и по претерпении бурь и трудностей, достигли к великому удовольствию, предназначенного своего пристанища, и прибыли в ночи к городу Иоппии или Яффе» [9, с. 48]. Эмоционально созвучным оказывается описание прибытия русских паломников в Яффу и у архимандрита Леонида (Кавелина): автор пишет, что люди находятся «в томительном ожидании», хотят увидеть «вожделенный берег» [6]. «Земля, важная в истории рода человеческого», «предназначенное пристанище», «вожделенный берег» – в описаниях ощутимо восприятие Яффы как духовного пространства, связанного не с географическими только характеристиками, но с религиозно-ценностными – речь идет не просто о прибытии в определенную точку на карте путешествия, но о свершившемся событии давно ожидаемого праздника; это особенно ощутимо у архимандрита Леонида (Кавелина), написавшего о прибытии к берегам Яффы как о чуде, когда мечты паломников становятся явью, а «видения превращаются в действительность» [Там же]. «Ожидание чуда» становится лейтмотивом у всех авторов.

Важным сюжетообразующим элементом в паломнической литературе является «прочтение» географических и топонимических объектов в свете событий Священной истории. Паломническая проза, соединяя в себе элементы путешествия, путеводителя, историко-религиозного повествования, комментирует все пункты маршрута фактами из Священного писания, таким образом, складывается особый тип историко-географического очеркового повествования, где священная топография становится содержательной, ценностной и эстетической характеристикой священного хронотопа. Яффа открывает паломникам священное пространство, в котором, говоря словами Д. В. Дашкова «каждый холм <...> говорит о делах Пророков и знаменитых витязей» [4, с. 18].

Введение религиозно-исторического комментария дается, как правило, с помощью уточняющих, вводных замечаний. Например, у Вешнякова: «В южной части за стенами Христианского исповедания Арабское кладбище, знак бывшей некогда Церкви на месте, где Святой Апостол Петр воскресил Тавифу» [9, с. 49].

У архимандрита Леонида (Кавелина) религиозно-исторический комментарий составляет самостоятельные сюжетные части со своим хронотопическим построением. Так, например, во вступительном эпизоде, который можно было бы назвать как «Священная история Яффы», автор последовательно раскрывает основные исторические факты, связанные с мифологической, историко-религиозной и современной историей города. Структура фразы при этом повторяет принцип, характерный для средневековой литературы: дополнительная информация «наназывается» (грамматически – в виде придаточных частей, вводных конструкций, уточнений, приложений); тем самым создается эффект большой информативности и эмоционально-оценочной концентрации.

Хронотопическое построение фрагмента охватывает значительный пространственно-временной объем. Время включает в себя античность, ветхозаветные и новозаветные времена; через образ самого автора-повествователя, который рассказывает об этих исторических фактах, прошлое связывается с настоящим в неразрывное единство. Указание на время (эпоху) у Кавелина дается через привлечение каких-либо эмблематических, объективно присущих данному периоду (или имеющих важность для автора) характеристик. Одним словом, «время» показывается через «событие»: античность определяется через название мифологических богов «греки назвали это место Иоппе, производя это название от Иоппы, дочери Эола, мифологического <...> бога ветров»; о ветхозаветной истории Яффы автор вспоминает, привлекая имена Ноя («предание утверждает, что здесь Ной построил свой ковчег и отсюда поплыл <...>, когда воды потопа покрыли землю»), ветхозаветного царя Соломона («во времена Соломона она была единственным портом Израиля»), новозаветные события определяются деяниями апостолов («по пришествии Христовом многие ученики Его проживали в Яффе по близости ее к Иерусалиму» [См.: 6]); здесь апостол Петр воскресил праведную Тавифу (Деян. 9, 36-42); здесь было ему видение (Деян. 9, 11-16). Таким образом, время оказывается соединенным с пространством и с событием, оно, как и пространство, обретает значимость только в связи с событием, его определившим. Сама древность Яффы подтверждается через свидетельство Библейского слова: «Иисус Навин вспоминает о ней как о старинном городе» [См.: Там же].

Пространство организовано не столько географическими координатами, сколько определяется событийным и личностным элементом, формируется кругом номинаций и связанных с ним пространственных ассоциаций

(греки, мифологические боги; Ной и пророк Иона («маршруты» их странствий), ливанские кедры, строительство иерусалимского храма, сады самой Яффы и т.д.). Пространственные реалии ветхозаветных и евангельских событий утрачивают свои «бытовые» характеристики и приобретают бытийные: так, например, рассказ о видении апостола Петра, произошедшем в Яффе (Деян. 9, 11-16), имеет конкретные указания места (действие происходит в доме Симона, на террасе), которые в связи с открывшимся апостолу видением становятся знаком Вечности. Знаком вневременности и Вечности становится молитва (молятся пророк Иона, апостол Петр, сам автор).

Значимым становится в анализируемой части мотив «красоты»: фрагмент начинается с объяснения этимологии слова «Яффа» – красота и, охватив большой пространственно-временной объем, завершается словами о милосердии и любви Господа Иисуса Христа, таким образом, красота, реализовавшаяся в конкретной части земного пространства, выступает как воплощение Божественного замысла, значима не сама по себе, а как воплощение красоты и любви во Иисусе Христе. Хронотопическое построение фрагмента, следовательно, служит созданию картины Вечного и целостного мира, созданного и объединенного Божественной любовью. Эту идею усиливает заключительная часть фрагмента (клаузула): «Господь наш Иисус Христос <...> никого не устранил от спасения, не ограничил его одним каким-либо временем, местом и народом, но благоволил призвать к нему всех, <...> желая, чтобы все верующие в Него составили одно семейство» [Там же].

Пафос и композиция фрагмента позволяют увидеть в нем элементы проповеди: описание Яффы становится для автора поводом напомнить своим читателям о Божественном устройстве мира, о значимости жизни в христианской любви и т.д. Рассказ выходит за рамки простого «путевого впечатления», а сближается с проповедью, напоминающей о вечном смысле человеческого бытия. Здесь уместно вспомнить характеристику хронотопической структуры подобных жанров, данную Д. С. Лихачевым: «жанры, имеющие отношение к нравованию и философствованию, <...> изображают не временное, а вневременное <...> конкретный случай <...> имеет обобщенно-“вечный” смысл» [8, с. 276]. Автор описывает не мимолетное субъективное впечатление, но связывает образ Яффы с общезначимыми для всего христианского мира событиями, и, таким образом, его сочинение «перерастает» жанр «путевых заметок», тяготеет к историко-религиозному трактату или проповеди и оказывается важным для широкого круга читателей, выявляет свое непреходящее информационное (историко-религиозное) и воспитательное значение.

Художественный образ Яффы, созданный авторами-паломниками, включает в себя и «райский хронотоп», с присущими ему мотивами «преодоления препятствий», «трудного пути», «неземной красоты», «света», «прекрасной природы» [См.: 5; 10; 12]. «Райская» поэтика формируется на основе Библейской символики: «Рай – Сад», «Рай – Город» [1]. В анализируемых паломнических путешествиях реальные географические характеристики Яффы (морские виды, бурное море у берегов города, обилие садов вокруг и т.д.) становятся основой для формирования символической картины «райского» места.

У Дашкова значим образ сада: «окрестности, по дороге к Иерусалиму, прекрасны: от самых ворот идут большие сады и виноградники» [4, с. 18]. Яффские сады описывает и Кир Бронников: «За городом, по дороге к Иерусалиму, мы видели многие с разными плодами и виноградом сады, которые, вместо городьбы, обсажены колючею египетскою смоковницей, на поверхности листов ее есть алые ягоды, видом и величиною с перцовый стручок» [9, с. 125]. В описаниях И. Вешнякова в контексте «райской» семантики может быть переосмыслен образ бурного моря: «По совершении в 67 дней плаваний наших, <...> по претерпении бурь и трудностей, достигли к великому удовольствию, предназначенного своего пристанища, и прибыли в ночи к городу Иоппии или Яффе» [Там же, с. 48]. Картины бурного моря предваряют описание Яффы и у архимандрита Леонида (Кавелина): «порт Яффский, хотя и древнейший, но вместе с тем опаснейший в свете» [6].

У архимандрита Леонида (Кавелина) в описаниях «реальных» примет Яффы можно увидеть отражение «райской» пространственной образности: «прекрасный город-сад», «гора», «изобилие» и т.д.: «Нынешняя Яффа <...> лежит на красивом холме <...> Сады служат в этой картине за террасы; <...город...> довольно велик, <...> опоясан старыми стенами <...> живые плетни из колючих индейских фиг <...> ограждают этот восточный Эдем, <...> густой лес различных деревьев, из которых одни благоухают цветами, другие обременены зрелыми или дозревающими плодами: апельсины, лимоны, гранаты, бананы, миндаль; <...> множество благоуханных кустарников, <...> виноградная латоросль, <...> обвивается около померанцевых, миндальных и лавровых деревьев. <...сады служат...> неопровержимым свидетельством древнего плодородия Обетованной Земли» [Там же].

Образ райской красоты создает И. А. Бунин, в его описаниях важна цветопись, импрессионистские детали: «воздух так чист, а восточные контуры кубических домиков <...Яффы...> четки и просты. Уступами громоздится этот каменный, цвета банана, городок на обрывистом побережье. <...> С севера к Яффе подступает золотисто-синяя от воздуха и солнца Саронская долина. <...> На востоке – знойно-голубой мираж Иудеи. <...> В садах вокруг Яффы – пальмы, магнолии, олеандры, чащи померанцев, усеянных огненной россыпью плодов» [3, с. 219, 220].

В создании пространственного облика города важны и детали бытовой культуры, этнографические картины. «Чужая» для русских путешественников культура восточного города переосмысливается в эстетическом восприятии, ей находится ценностное место в пространственном образе Святой Земли.

Дашков видит Яффу в деталях нетипичной для европейца архитектуры: «Город построен уступами, <...> из тесаного камня с глубоким рвом и стеною, <...> улицы тесны, а дома некрасивы и как бы подавлены плоскими кровлями» [4, с. 18]. Для писателя-романтика контраст между внешней «некрасивостью» и внутренним духовным содержанием является значимым элементом эстетической системы.

В массе бытовых деталей описывают Яффу Иван Вешняков и Кир Бронников; в их наблюдениях отражается практический народный взгляд на незнакомую культуру, особенное внимание уделяется подробностям, значимым для паломников (оплата маршрутов, пища, необычные традиции местных жителей и т.д.). Картины Яффы, созданные в книге Вешнякова, позволяют наглядно представить колорит восточного города: «Город Яфа (так у Вешнякова – О. А.) укреплен, кроме морской стороны, стенами и бастионами, на коих довольно есть разных калибров медных и чугунных пушек. <...> В рынках хлеб посредственной доброты и продают умеренно; <...> В окружности Яфы по доброте земли хорошее хлебопашество и скотоводство; <...> строения каменные со сводами, покрытыми черепицею. <...> В бытность нашу в Яфе довольно число было европейских разных наций и турецких судов купеческих <...> Из Сирии к Палестине беспрестанные приходят караваны верблюдов с навьюченною бумагою» [9, с. 51].

Большое количество этнографических подробностей приводит ахимандрит Леонид (Кавелин). У него соотнесены факты бытовой жизни и Библейские описания; современность оказывается повторением, наглядным воплощением свидетельств Священной истории. Природному изобилию современной Палестины автор находит аналогии в Библии: библейское время-пространство и современное выступают у него как неразрывная связь времен и событий: «Библия <...> упоминает о чечевице, которая как во времена Исава, так и теперь считается лакомым блюдом. <...> Исаия говорит о гвоздике и тмине; Господь наш Иисус Христос – об анисе и мяте; в Евангелии читаем о горчичном зерне <...> – все это находится и поныне. <...> В пустыне обыкновенное растение – можжевельник кольчатый; он горит с таким сильным треском, что псалмопевец сравнивает с ним язык клеветника (Пс 119, 4) <...>» [6].

Обилие параллелей, сближающих библейское и современное, не позволяет усомниться в специальной эстетической установке: автор рисует мир, в котором прошлое и настоящее слиты воедино, где вместо изменчивости времени и пространства выступает неизменная вечность. Также в религиозно-символическом ключе переосмыслены бытовые и этнографические характеристики Яффского пространства у Бунина, который в колоритных картинах восточного мира видит воплощение вневременного Библейского начала. Для автора неизменность патриархального восточного мира важна как знак вечности, незыблемости культурно-религиозного христианского начала европейской культуры. Вещный мир теряет в описаниях Бунина свою приземленность, бытовую сторону и становится знаком духовного мира времени Господа Иисуса Христа. Для автора бытовые предметы восточного мира («базар <...> с грудями фруктов и зелени, с кофейнями и лавчонками», «караван верблюдов» [3, с. 220]) кажутся хранителями Священной истории. В самой неизменности патриархального мира Востока автор видит проявление Вечности: «Вот она, подлинная Палестина древних варваров, земных дней Христа!» [Там же].

В анализируемых произведениях образ пространства и времени соединяет прошлое и настоящее, земля и события соединяются в одно целое; паломник через созерцание земли и Слово Священного Писания и Предания оказывается связан с религиозно-духовным миром христианской культуры; в паломническом путешествии воплощается религиозное понимание мира – как Божьего творения; земля, человек, история раскрываются в неразрывном единстве личного, природного, социального и исторического, и вся эта целостность организуется Божественным началом, мир видится целостным и просветленным.

Выявление содержательных, структурных и ценностно-смысловых особенностей хронотопа является одним из плодотворных путей изучения паломнической прозы XIX в. В восприятии человека хронотоп представляет время, события и пространство связанными в одно целое, пронизанное ценностным отношением; факты предстают, говоря словами А. А. Ухтомского, не как «отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [11, с. 342]. Паломническое путешествие в жанровой системе своего времени соотносимо с «путевым очерком», не занимающим ведущего места в жанровой иерархии. Однако в содержательном, смысловом и эстетическом отношении паломническая проза предстает как очень емкое явление, богатство которого обусловлено самой темой повествования – рассказом о красоте Святой Земли. Изучение хронотопа позволяет проследить природу и способы воплощения художественного образа в паломническом тексте.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Рай // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 363-366.
2. **Бахтин М. М.** Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
3. **Бунин И. А.** Иудея // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников / сост., предисл., справки об авт. и примеч. Б. Романова. М.: Лепта, 1994. С. 29-226.
4. **Дашков Д. В.** Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей I половины XIX века / составление К. Ургузова. М.: «Восточная литература» РАН, 1995. С. 17-39.
5. **Калужникова Е. А.** Паломничество как ритуал // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 47. С. 13-27.
6. **Леонид (Кавелин Лев Александрович; архимандрит Троице-Сергиевой лавры).** Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока паломника [Электронный ресурс]. М.: Индрик, 2008. 383 с. // Электронная библиотека PROFILIB. URL: <http://profilib.com/chtenie/19568/leonid-kavelin-staryy-ierusalim-i-ego-okrestnosti-iz-zapisok-inoka-palomnika.php> (дата обращения: 01.01.2016).
7. **Лидов А. М.** Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 9-32.

8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1977. 360 с.
9. Путевые записки в святой град Иерусалим и в окрестности онаго Калужской губернии дворян Вешняковых и медынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. Путешествие к Святым местам, находившимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 года села Павлова жителем Кирием Бронниковым / сост. О. Н. Александрова-Осокина. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2013. 224 с.
10. Рождественская М. В. Рай «мнимый» и Рай «реальный»: древнерусская литературная традиция // Образ рая: от мифа к утопии / отв. редактор выпуска М. М. Шахнович. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2003. С. 31-46.
11. Ухтомский А. А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887-1939. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
12. Чумакова Т. В. «Странник я на земле»: человек в поисках рая (по материалам древнерусской книжности) // Образ рая: от мифа к утопии / отв. редактор выпуска М. М. Шахнович. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2003. С. 55-60.

**“SACRED CHRONOTOPE” IN PILGRIMAGE PROSE
(JAFFA IN THE EYES OF RUSSIAN PILGRIMS OF THE XIX CENTURY)**

Aleksandrova-Osokina Ol'ga Nikolaevna, Doctor in Philology
Pacific National University
osokina-11@mail.ru

The article deals with the problems of the pilgrimage text's poetics. The works of the writers of the XIX – the beginning of the XX century (D. V. Dashkov, I. Veshnyakov, K. Bronnikov, archimandrite Leonid (Kavelin), I. A. Bunin) served as material for the research. Comparing creative work of different writers allowed the author to show spiritual continuity in the Russian literature and the stable stylistic and value-meaning tradition of artistic reconstruction of sacred space. The analysis of the pilgrimage text in the light of its chronotopic structure allowed identifying esthetic nature of perception, under which facts and objects of history come out as “events indelible from existence” (A. A. Ukhtomsky). The paper interprets the conception “sacred chronotope” that is considered as integration of everyday and existential, historical-social and Divine.

Key words and phrases: spiritual prose; pilgrimage; poetics; “sacred chronotope”; “sacred space”; landscape; material world.

УДК 82.0

В статье обозначены основные принципы эстетики постмодернизма. Магистральными поэтическими категориями литературного процесса конца XX века становятся: деконструкция стиля, динамика языка, интертекстуальность, постмодернистская чувствительность, игра копиями, плюрализм смыслов, диффузия дискурсов, двойной код. Делается вывод о том, что сложно-параметрическая система постмодерна представляет собой генеративный конгломерат взаимодействия классических художественных форм, при этом практика письма онтологически незавершена.

Ключевые слова и фразы: постмодернизм; эстетика; стиль; язык; дискурс; интертекст; деконструкция; автор; читатель.

Безруков Андрей Николаевич, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске
in_text@mail.ru

**ФИЛОСОФСКАЯ ЭСТЕТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА:
ДЕКОНСТРУКЦИЯ СТИЛЯ И ЯЗЫКА**

Литературный процесс онтологически связан с историческими изменениями, трансформацией подходов к пониманию реальности. Реакцией на это становится новый художественный вид эстетической сферы, пределы которой находятся в коллизионных рамках. Мастерство писателей постмодерна сконцентрировано на вероятностном изменении текста и его рецепции. Текст как налично-знаковая структура обновляет свои контуры, кодируется авторским сознанием, получает трансцендентные читательские интенции.

Литература русского постмодернизма [7] может считаться философско-эстетической провокацией конца XX века, линейным взрывом, протестом против однозначности слова, знака.

Целью статьи является определение ведущих концептуальных категорий, влияющих на формирования текстового блока, перспективно формирующего множественность смыслов.

Постмодернистский текстовый конструкт целно вбирает в себя предшествующую культурную архаику. Форма и художественная идея уже не столь символичны для новоявленного образования, принципом письма / чтения становится рецепция онтологии самого стиля. Цитатный способ мышления постмодернистов фиксирует стихийность современного им бытия, нарочито подчеркивает диалогическую природу реальности. Играя в текст, играя с текстом, автор уводит читателя от единственно верного смысла, настраивая тем самым на выработку собственно своего индивидуального мировоззренческого комплекса. Постмодернистский текст только маркирует реальность, опредмечивает ее эстетические и этические ориентиры.